

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 811.133.1`37:811.161.3`37(045)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Поступила в редакцию 26.12.2018

Received 26.12.2018

Е. А. Гапанович

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СЕМЬЯ КАК КОММУНИКАТИВНО-ЛИЧНОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. Статья посвящена семантико-функциональным особенностям вербальных средств, используемых в ситуации межличностного общения членов семьи в белорусском и французском языковых сообществах.

Материалом исследования послужили художественные и специализированные тексты, словарные статьи лингвокультурологической направленности, из которых методом сплошной выборки были извлечены единицы тематического поля «Семья».

Рассмотрены возможности и лингвоспецифичность вербального представления межличностных отношений, устанавливаемых во французской и белорусской семьях. Раскрыта специфика онтологического статуса семьи как системы произвольных представлений или фрагмента национальной картины мира, в котором объединены и иерархически соотнесены субъекты родства. Выявлены особенности функционирования семьи в соответствии с ценностными регуляторами, выраженными в языке юридической терминологией, коннотативно окрашенной и обрядовой лексикой, и культурно маркированными паремиологическими единицами.

Культурная семантика единиц тематического поля «*Famille*» и «Сям'я» характеризуется развитием и актуализацией эстетической и этической коннотаций во внутренней форме языковых единиц. Установлено активное использование аппелятивных номинаций как средств, участвующих в формировании коммуникативного пространства французской и белорусской семей. Исследуется зависимость использования различных лексических звательных единиц от объективных и субъективных характеристик субъекта родства как социализированной личности. Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о релевантности для французской и белорусской лингвокультуры личностно-коммуникативного взаимодействия членов семьи.

Ключевые слова: тематическое поле, культурная семантика, личностно-коммуникативное пространство, культурно-маркированный, эмоционально-оценочная коннотация, лексема

Для цитирования. Гапанович, Е. А. Семья как коммуникативно-личностное пространство во французской и белорусской лингвокультурах / Е. А. Гапанович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 457–465. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Ya. A. Hapanovich

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

FAMILY AS COMMUNICATIVE AND PERSONAL SPACE IN FRENCH AND BELARUSIAN CULTURAL LINGUISTIC COMMUNITIES

Abstract. This article is devoted to functional properties of French and Belarusian language signs used in different situations of interpersonal communication and naming family members. Vocatives used for addressing to family members are also studied.

Possibilities of verbal representation of interpersonal relations existing in Belarusian and French families are considered. The ontological status of family as mental space in which kinship entities are hierarchically correlated is revealed by the author. The basic characteristics of family communicative functions were studied according to value regulators expressed by means of legal terminology, connotative and ceremonial vocabulary as well as culturally marked lexical units. National and cultural components verbally objectified should be taken into account when studying family as communicative and personal space in French and Belarusian linguistic communities.

Keywords: thematic field, cultural semantics, personal and communicative space, culturally-marked, emotionally-evaluative connotation, lexeme

For citation. Hapanovich Ya. A. Family as communicative and personal space in French and Belarusian cultural linguistic communities. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 457–465 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-457-465>

Введение. В настоящее время на фоне многочисленных и глубоких социологических и этнокультурных изысканий семья как важнейшая сфера человеческих контактов по-прежнему остается в фокусе исследований гуманитарных наук. Если для социологов значимым является именно взаимодействие членов семьи как малой социальной группы (ячейки) и, соответственно, их социальные роли и отношения внутри нее, то для лингвистов интерес представляют соответствующие вербальные знаки, их содержательная специфика и, в целом, возможность использовать языковые единицы не только как номинативный, но и как аффективный, эстетический и этический инструментарий. Сравним: *«des pouvoirs du langage – pouvoirs affectifs, éthiques, esthétiques – bien au-delà du, souvent artificiel et figé, que célèbrent la plupart des grands dictionnaires passés et présents»* [1, р. XII] ‘возможности языка – возможности аффективные, этические, эстетические – выходят за рамки искусственных и застывших значений, часто искусственных и застывших, которыми славится большинство известных словарей прошлого и настоящего времени’.

Принимая во внимание тот факт, что единицы тематического поля «Семья» в белорусском и французском языках активно используются в различных ситуациях и сферах общения, отметим, что одно из ключевых понятий белорусской лингвокультуры, связанных с семьей, – семейная обрядность, под которой понимается «сукупнасць абрадавых комплексаў, што суправаджаюць ключавыя падзеі жыцця чалавека (нараджэнне, шлюб, смерць)» [2, с. 6] включает в себя и магический компонент, для передачи которого используются «слоўныя формулы, што выкарыстоўваюцца з мэтай уплыву звышнатуральным чынам на з’явы прыроды, падзеі, прадметы і людзей у патрэбным кірунку» [2, с. 6]. С большой степенью уверенности можно предположить, что магический компонент семантики лексических единиц (ЛЕ) соотносится именно с эстетической и этической коннотацией. Сравним: «магія вербальная ці слоўная, заснаваная на веры ў **цудадзейную сілу асобных слоў, выказванняў**» [3, с. 202]. В целом, существующие в семье межличностные отношения могут быть детерминированы культурными особенностями конструирования социального познания, принятого в данной культуре [4, с. 37], и, следовательно, иметь определенную культурно и социально обусловленную коммуникативную основу. Однако четкого понимания и описания средств ее представления в научных трудах не выявлено, что обуславливает возможность проводить дальнейшие научные поиски в указанном направлении.

Целью данной работы является установление лингвоспецифичности и семантико-функциональных особенностей вербальных средств, используемых в ситуации межличностного общения членов семьи в белорусском и французском языковых сообществах.

Семья как коммуникативно-личностное пространство. Ранее считалось, что семейные отношения объективны и онтологичны: «вечность и нерасторжимость брака есть истина онтологическая, а не социальная... Тайнство брака есть таинство онтологическое, а не социальное» [5, с. 253], т. е. семья создается естественным образом и имеет биологическое происхождение. На наш взгляд, она является не элементарной единицей, а именно сложно структурированной совокупностью лиц, основанной на браке. Сравним:

(бел.) Сям’я (радзіна) – **заснаваная на шлюбе ці кроўна-сваяцкіх адносінах малая група людзей**, члены якой **звязаны агульнасцю побыту, узаемнай дапамогай і прававой адказнасцю** [6, с. 348–349];

(франц.) *Famille – personnes liées entre elles par le mariage, par la filiation ou exceptionnellement par l’adoption* [7, р. 997–998].

Сопоставительное осмысление белорусской и французской семьи как культурнозначимого феномена позволяет также подтвердить положение о том, что биологическая детерминированность не является доминирующей для языковой объективации отношений родства. Более того, общевидовые свойства *homo sapiens* как представителя животного мира в условиях культурно обусловленного совместного проживания с себе подобными трансформируются в социально значимые качества. При этом для представления качеств одной из ключевых фигур в семье – матери в белорусском языке используются эпитеты с исключительно положительно-оценочной коннотацией, что обуславливает специфику высокой социальной оценки, например, многодетной женщины. Во французской же лингвокультуре представление многодетности женщины воз-

можно именно как свойство животного, как одного из женских половых качеств, т. е. ее чрезмерная чувственность или поглощённость семейными интересами имеет явно заниженную оценку:

(франц.) *mère poule* ‘клуша’. *C'est une bonne lapine (c'est une bonne lapine [une mère lapine])* ‘она плодovита, как крольчиха, настоящая крольчиха’; *bonne truie à pauvre homme* ‘букв. Поросится, как свинья’; *pondeur (d'enfants)* ‘крольчиха’; (*mère*) *lape* ‘крольчиха, плодovитая женщина’; *Dame Gigogne (dame [или mère] Gigogne)* ‘клуша, наседка’.

В белорусском языке признак «женщина, которая родила и имеет ребенка (детей)» эксплицируется при помощи нейтрального по своей семантике терминологического прилагательного *біялагічная*: *У межах крымінальнай справы следствам прызначаны шэраг экспертных даследаванняў, па выніках якіх устаноўлена, што затрыманая з'яўляецца біялагічнай маці нованароджанага хлопчыка* [8].

В процессе выполнения социальной роли мать может принадлежать разным общественным и этническим группам, что осознается белорусскоязычными коммуникантами через проявление высоко оцениваемых моральных качеств, например: «*Маці мая сляянская, маці мая славянская, ветлівая, гасцінная, у крыўдзе чужой непавінная*» (Л. Геніюш) [9, с. 265].

Или: «*І колькі б разоў я ні вяртаўся ў творчасці да вобраза старой, па-народнаму мудрай жанчыны-маці – перш за ўсё мне ўспамінаецца свая. Нястомная, суровая і добрая*» (Я. Брыль) [9, с. 265].

Примечательно, что в белорусской мифологической картине есть положительный образ Параскевы (*Параскевы-Пятніцы*), который воспринимается как символ крепкой, здоровой и зажиточной семьи. Эта святая считалась женской заступницей, защитницей семьи и оберегательницей рукоделия [10, с. 52]. Ее доброта и милосердие описывается во многочисленных легендах, рассказывающих о том, что она отдает бедной крестьянке одежду и хлеб, помогает родить женщине, засеивает ниву, вылечивает от болезни добрую мать и наказывает ленивую хозяйку, не следящую за детьми. Изображение *Параскевы-Пятніцы* можно встретить в современных храмах [11, с. 49–50].

Объединение белорусских ЛЕ и мифологемы в концептуализированной предметной области предполагает выход за рамки уровня семантических репрезентаций и делает необходимым рассмотрение процедуры, совершаемой языковым сознанием для категоризации образа семьи, компоненты которого не коррелируют в изучаемых национальных картинах мира. Следует также учитывать, что «концептуальные области часто организованы, структурированы вокруг нескольких различных прототипов, и может быть разумнее взять их в качестве основной единицы описания / анализа в лексико-типологическом исследовании, а не разлагать их на их особые отличительные черты» [12, р. 438]. В этой связи сигнификативный признак «проживание под одной «крышей», т. е. место в одном доме, у одного «очага», определяется нами как прототипический для семьи и признается общим как для французской, так и для белорусской лингвокультуры. Отсюда и наличие в корпусе белорусской национально-маркированной лексики целого ряда единиц с основным значением ‘огонь, очаг’, а также метонимических наименований с производным значением, образованных путем переноса на основе смежных признаков «огонь / очаг → еда / приготовление еды»:

агмень – вогнішча, агонь. 2. **Сімвал роднага дому, сям’і.** Нараджэнню таго, што ствараецца намі, спрыяе наш нязводны хатні агмень – непагаснае цяпельца, якое мы пастаянна падтрымліваем, сілкуем цяплом уласных душ (ЛіМ. 02.01.1998) [13, с.90];

ядок – 1. Той, хто есць, мае патрэбу ў харчаванні. 2. Чалавек як адзінка ўліку пры размеркаванні, выдаткаванні якіх-н. сродкаў, неабходных для жыцця. // **Член сям’і, што харчуецца разам з іншымі яе членамі.** Сям’я – у наўкруг за сталом. Багата яна едакамі. Дарослыя, дужыя ўсе. Прануза [14, с. 491];

котлішча – (разм.) 1. Месца жыхарства, сям’і. Ён і цяпер на дзедавым котлішчы сядзіць 2. *Перан. Род, сям’я.* – Благі хлопец, як і ўсё іх котлішча [14, с. 373].

Во французском языке семантическим коррелятом *котлішча* является ЛЕ *foyer*, широко используемая в текстах официального стиля: *foyer fiscal* ‘очаг, семья (как единица налогообложения)’. Сравним также:

un jeune foyer ‘молодая семья’, *femme au foyer* ‘домашняя хозяйка’, *fonder un foyer* ‘жениться; основать семью’, *renvoyé dans ses foyers* ‘демобилизованный (о солдате)’, *aimer son foyer* ‘любить свой домашний очаг’, *rentrer dans ses foyers* ‘вернуться домой, к родным пенатам; демобилизоваться (из армии)’.

Отметим, что классификация живых организмов (в том числе теория естественных видов), определяемая простыми гиперо-гипонимическими отношениями между таксонами, оказывается нерелевантной для полной систематизации языковых единиц тематической группы «Семья». Для ряда лексем характерно наличие полисемии, которая выстраивается не только по горизонтали (в контексте), но и в том числе по вертикали. Так, обобщающая номинация *homme* ‘человек’ со значением «*être humain*» ‘живое существо’ объединяет таксоны *être humain mâle* ‘живое существо мужского пола’ и *être humain féminin* ‘живое существо женского пола’ [15, p. 18–19], но в результате специализации своего значения сужает его до прототипического *être humain mâle*. В белорусском языке номинация *муж* также имела обобщающее значение ‘(свабодны чалавек); мужь ученый – знакаміты, важаны, славыты’ [16, с. 83]. Однако такой ЛСВ не сохранился в современном языке и рассматривается как единица старобелорусского лексикона. Вместе с тем основные субъекты родства, составляющие семью могут иметь биологическую детерминированность, например, *parent* ‘родитель’. Сравним: *parent – biol. Être vivant par rapport à l’être qu’il a engendré; les parents biologiques* ‘родитель – биол. Живое существо по отношению к существу, которое оно породило; биологические родители’ [7, p. 1782].

Таким образом, семья, существующая в сознании людей как система произвольных представлений, является не биологической данностью, а фрагментом национальной картины мира, в котором объединены и особым образом иерархически подчинены и соотнесены субъекты родства. В этой связи очевиден субъективный и, более того, межличностный характер данного пространства¹. «Совместное Я», характерное для всех приматов, с развитием антропогенеза вытесняется «индивидуальным Я» и сопровождается появлением связей типа «Я – Ты», «Мы – Они» [17, с. 251]. Именно поэтому разрешенный или даже обязательный в одном обществе тип брака в другом будет строго запрещен. В свою очередь социокультурные нормы формируют национальный характер, специфика которого проявляется как в семантическом отношении, так и на уровне вербальных средств.

Семантическая специфика тематических рядов «Семья» указывает на социальный и межсубъектный характер человеческих отношений: *famille crée entre ses membres une obligation de solidarité morale venant du mariage religieux et une obligation matérielle (notamment entre époux, d’une part, et entre parents et enfants, d’autre part)* ‘семья создает между членами семьи моральное, вытекающее из брака, закреплённое церковью, и материальные обязательства (в том числе между супругами, с одной стороны, и между родителями и детьми – с другой)’ [18]. В то же время наличие значительного числа во французском языке глагольной лексики (15% от общего числа тематических ЛЕ) указывает на деятельностный характер семейных отношений: *famille censée les protéger et favoriser leur développement social, physique et affectif* ‘считается, что семья должна защищать их (детей) и способствовать их социальному, физическому и эмоциональному развитию’ [18], что также является предпосылкой для развития культурной составляющей. Включение наречий *ensemble* ‘вместе; совместно, сообща’, *financièrement* ‘в финансовом отношении’, *génétiquement* ‘генетически’, *légalement* ‘легально, законно’, *paternellement* ‘отечески, *tendrement* ‘нежно, любовно’ во французское ассоциативное поле стимула *famille* закрепляет полифункциональный характер межличностного пространства семьи.

Вместе с тем свое культурное значение (культурную коннотацию) *семья* имеет не как сложная институциональная подсистема общества, а именно как сущность, **функционально детерминированная**, для которой релевантными являются такие функции, как воспитательная и правовая [6, с. 348–349]. В ходе нашего анализа было установлено, что сам процесс функционирования семьи проходит в соответствии с ценностными регуляторами, выраженными в языке

¹ Вслед за И. Сандомирской мы придерживаемся той точки зрения, что семья или род может рассматриваться как социальное пространство [4, с. 32–33].

соответствующей юридической терминологией¹ и текстами законов и обрядов, коннотативно окрашенной лексикой и культурно насыщенными сверхфразовыми единствами, паремиологическими единицами:

(бел.) *Умеў нарадзіць – сумей навучыць*;

(франц.) *Les pères ont mangé des raisins verts et les enfants ont eu mal aux dents* ‘за грехи отцов расплачиваются их дети’ (букв. «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомины»).

Косвенными регуляторами является также лексика с отрицательной коннотацией: (бел.) *бай-струк, бязбацькавіч*; (франц.) *famille tuyau de poêle*. Французское выражение *des familles* ‘а) обычный, незатейливый; спокойный; б) отличный, классный’ первоначально возникло в текстах социальной рекламы, которая пропагандировала семейные ценности и, следовательно, все, что имело отношение к семье, было полезным и хорошим: *Je m’en vais faire une bonne petite sieste des familles* ‘Пойду посплю немножко после обеда’.

Следует отметить, что до конца 1960-х гг. отношения в семье во Франции регулировались не законодательством, т. е. с помощью текстов законов, а выстраивались в соответствии с правовыми обычаями, морально-этическими ценностями. Поэтому и утверждалось, что «*le bonheur familiale s’épanouissait en dehors des règles de droit* ‘семейное счастье раскрывалось вне юридических норм’ [19, р. 9], когда осуждалось прелюбодеяние «*la réprobation de la sexualité en dehors du mariage*» и провозглашалась власть мужа и отца «*la puissance maritale et paternelle*» [19, р. 9]. Поэтому заявление, что «*Ces grands éléments de l’ordre moral n’étaient pas seulement défendus par les catholiques mais aussi par les juifs, les protestants ainsi que par les laïques, les instituteurs de la III RPF. Il y avait sur ce point un consensus social*» [19, р. 9], рассматривалось как установление «неписаных» морально-нравственных норм, единых для всех социальных групп (*les catholiques, les juifs, les protestants, les laïques, les instituteurs de la III RPF*). Несовершенство существующего во Франции семейного права дало возможность феминисткам внести ряд изменений в социальный контекст лексемы *famille*.

Как видим, семья является не таксономической категорией, а именно **личностным пространством**: в семье – под единой крышей – человеческое существо становится личностью, ему присваивается имя личное – *nom de famille*. Аналогично (бел.) *прозвішча* – спадчыннае сямейнае найменне, якое дадаецца да ўласнага асабістага імя [14, с. 634].

В подтверждение того факта, что языковые единицы тематического поля «семья» участвуют в формировании личностно-коммуникативного пространства, нами было установлено активное использование в обеих языковых культурах особых форм обращения, например: (бел.) *баць, бацюш, ма, доня, дзедку, мама, бабка, татку*. Во французском языке бельгизм *m’fi!* является отеческим обращением (*adresse paternelle*) и представляет собой аппелятив со своеобразным морфологическим оформлением.

Обращения к членам семьи варьируются в зависимости от социальной среды: *ma bobonne* (*устар.*); *bobonne* – *terme d’affection* ‘женушка’ – ласковое обращение к супруге в мелкобуржуазной семье. *Allons, Bobonne, dépêche-toi! s’écria M. Bonnichon secouant magnifiquement son bonnet* ‘Давай, женушка, поторапливайся! – воскликнул мистер Боннишон, вскинув красивым жестом свою шапку’. (Balzac, *Œuvres diverses*, t. II, p. 347) [7, р. 263].

Mon bon, ma bonne (производное от *mon bon monsieur*), употребляется в аристократической среде, где субстантивированное прилагательное имеет архаическую коннотацию.

При обращении учитывается и возрастная разница: *junior* – *se dit dans le commerce ou encore plaisamment du frère plus jeune pour le distinguer d’aîné ou du fils pour le distinguer du père* [7, р. 1387]. *Ça va, junior!* ‘Все в порядке, малыш (= младший сын)! ‘

Значение близости отношений между членами семьи может быть усилено с помощью антифразиса, т. е. в результате инвертированного эмоционально-окрашенного использования антонимических наименований, а именно:

¹ Юридические термины *monoparentalité* ‘монопарантальность, неполная семья’, *mère célibataire* ‘мать-одиночка’ и *fille-mère* ‘девочка-мать’ имеют целью защитить права семей, состоящих из одного родителя. Присвоение статуса *famille nombreuse* и *шматдзетнай сям’і* соответственно во Франции и в Беларуси означает выдачу социальных льгот и государственную защиту и поддержку.

Mon grand, ma grande ‘мой милый (обращение к ребёнку) ‘употребляется по отношению к младшему по возрасту члену семьи, к которому относятся уже как к большому, а именно «*qu'on affecte de traiter comme un adolescent*» [7, p. 1163; 20].

При этом нормативные формы терминов родства активно используются на уровне бытового общения для вежливого обращения к людям, не состоящим в близком родстве, например:

(бел.) *бацька* – *ветлівы зварот да старога чалавека* [14, с.107];

(бел.) *бацечка* – ласкальная форма да *бацькі* (у 1 знач.). // *Фамільярны зварот да субяседніка. – Разумею, разумею вас, бацечка мой. Час і, так сказаць, творчае натхненне, – і Іван Антонавіч не да месца падміргнуў з-за акулераў (Даніленка)* [21, с. 350].

Аналогичное употребление выявлено и во французском языке:

(франц.) *sœur* – *nom qu'on donne à une personne pour laquelle on a la tendresse que peut inspirer une sœur* ‘имя, присваиваемое человеку, по отношению к которому испытывают нежность, равную той, которую вызывает сестра’. – «*Mon enfant, ma sœur...*» ‘Дитя мое, сестра моя’ (Baudelaire) [7, p. 2355];

commère, coumère : *petite amie commère* ‘1) кума; 2) или кума, сестрица (дружеское обращение к соседке, к знакомой) ‘ [20].

Таким образом, расширение и генерализация семантики лексем типа (бел.) *бацечка*; (франц.) *sœur, commère* происходит за счет актуализации коннотативного значения и последующей метафоризации наименований родственных отношений, основанной на аналогии:

sœur – *appellation affectueuse dont on use envers une belle-mère ou une femme avec laquelle on entretient des rapports analogues à ceux d'un fils ou d'une fille avec sa mère* ‘ласковое обращение, используемое по отношению к свекрови или женщине, с которой поддерживаются отношения, подобные отношениям сына или дочери со своей матерью’ [20].

Национальную специфику апеллятивной номинации «сестра» в поликультурном французском обществе составляет и ее употребление жителями франкоязычной части Африки или Магриба: *sœur* или *ma sœur* используется для того, чтобы подчеркнуть общность этнической принадлежности и культуры (мусульманской).

Изменение внутренней формы терминов родства обуславливает их переход из терминологической или апеллятивной лексики в разряд общеупотребительной. Например, французское *mémé* ‘*Grand-mère, dans le langage enfantin et familier* «бабушка» → *Femme d'un certain âge, estimée sans séduction*’ «женщина в годах, малопривлекательная» [20], произошедшее от диалектизма *mémère* ‘бабуся, бабуля, бабушка’, значительно расширило в последнее время свой семантический объем: за счет добавления сигнификативного признака (*femme d'un certain âge*), а также приобретения пейоративного значения (*sans séduction*).

В то же время *pépé* ‘дедуля, дедушка’ как семантический коррелят мужского рода (сравним: *le pépé et la mémé*) получило положительную коннотацию: *homme âgé, d'allure débonnaire* ‘пожилой мужчина, добродушный’ [20].

Отметим также употребление терминов родства с актуализированной эмоционально-экспрессивной окраской, например, со значением иронии – *Можса, проста хварэе [Сашка] нездаровай цікавасцю, як і бацечка. І той жа Марцінок усюды хоча свой нос утачыць, – дадаў Максім. Машара* [21, с. 350].

Помимо эмоционально и оценочно окрашенных значений коннотация терминов родства может определяться и социальной значимостью моральных ценностей, например, уважительным отношением к собеседнику. В сопоставляемых лингвокультурах обращение к матери, к отцу и другим членам семьи или их называние как третьего лица часто происходит с позиции ребенка, подчеркивая тем самым уважительное отношение к самому ребенку.

Например:

Dans certaines familles, le père, s'adressant à la mère, l'appelle maman, comme ferait un enfant ‘В некоторых семьях отец, обращаясь к матери, называет ее мамой, как это бы сделал ребенок’ [20].

А также:

Je ne sais pas, mon petit, demande à maman. – (Dans la bouche de la mère elle-même) ‘Я не знаю, мой хороший, спроси мамочку. – (Слова, произнесенные самой матерью)’ [20].

Аналогічную сітуацыю наблідаем у беларускай лінгвокультуры. У сітуацыі абшчэння: «Калі нарадзілася Любачка і свякроў узялася вучыць маладую матулю, як купаць, спавіваць і карміць, і лячыць іх непадзельнае шчасце, Жэня ўжо... называла Іваніху найдаражэйшым словам – маці...» (Я. Брыль. Сцежка-дарожка), калі перифрастическая номинация *непадзельнае шчасце* выражае нежныя чутства па адношэнню к дзіцяці [22, с. 77] дарослых членаў сям'і, аб'яднаных абшчынствам (*непадзельнае*) эмоцыяў і ценнаснага зместу камунікатывнага прастранства.

Блізасць як онталогічэскае аснованне родствяных адношэнняў захоўваецца і ў ўнутранай фарме найменаванняў прыобрэтаннага родства. Так, традыцыя называць мамамі і папамі блізкіх родствянікаў мужа ці жэны існасць не толькі ў беларускіх сям'ях. Кромэ таго, адзначаецца б'ольшое разнаобразне францускіх варыянтаў абрашчэння к родствянікам супруга(-гі). Пры гэтым традыцыйнымі, но воспринимаемыми как несколько официальные и, соответственно, дистанцирующими собеседников будут: «*Mon père et ma Mère*» 'Мои отец и мать', «*Père et Mère*» 'отец и мать', в то время как менее формальными и способствующими таким образом сближению и установлению доверительных отношений: «*Jolie-Maman et Joli-Papa*» букв. 'Красивая мамочка и красивый папочка', «*Belle-Maman et Beau-Papa*» букв. 'Красивая мамочка и красивый папочка'. Для называння блізкіх родствянікаў дапушчана ўжыванне асыміліраваных заіманстваў з іншых мов: (англ.) «*Mam et Dad*», (нем.) «*Muttiki et Cooki*». Словосложение или сложение частей слов приводит к появлению телескопических наименований, например, «*Mamijo*» (*Mami*+імя лічнае *Joëlle*), «*Maméline*» (*Mami*+ імя лічнае *Jacqueline*), «*Papido*» (*Mami*+ імя лічнае *Dominique*), што абсалютна не свойсна для беларускай лінгвокультуры. Вмесе с тем в последнее время во французской лингвокультуре усилилась тенденция называть их просто по именам.

У ўмовах актывнага пранікнення англіцызмаў ў французскі мову, для называння сацыяльных фактаў і феномена, характэрных сучаснаму французскаму сям'ю, таксама выявлено існасць заіманстваў. Так, ў буржуазнай сярэдняй у бытавым абшчэнні існасць францускія *mété*, *bonne tatan* лёгка (із-за фонетычнага блізкасці) замяняюцца англіцызмамі *tatie* ці *tatny*. Пры гэтым англіцызм *granny* не атрымаў такога шырокага распаўсюджвання, паколькі, во-первых, складна для праноснення, а во-вторых, мае ярка выражаную сацыяльна афарбаваную каннотацыю – прызнак снобізма, т. е. стремлення строга следваць вкўсам, манерам і т. п. вышшага абшчэства і с пренебрежением относиться ко всему другому. Частотнасць ўжывання коррелята «*рару*» з улікам патрыархальнага характэра і спецыфікі абшчэнага ўжывання імя існасцьвітельнага мужскага характэра (*homme* – гэты і мужчына, і чалавек) сведчыць аб б'ольшым актывным асваенні французскай мовы даннага амерыканізма/англіцызма: *Rary-boom* 'увелічэнне доли пожылых людзей сяры населення'.

Отметим, что отношения белорусской матери с другими членами сям'і таксама ствараюцца на аснове не толькі дзеянняў, но і вербальнай камунікацыі: *маці-словатворца*. Сраўнім: «Жанчыны, Маці-словатворцы, Ў час калыханак вы сплялі Імя вясне, пчале і зорцы – Ўсім добрым дзівам на зямлі» (А. Пысін) [9, с. 266].

Таким образом, сравнительный анализ тематического поля «Семья» во французском и белорусском языках позволил уточнить онтологическую и функциональную сущности социальной формации, абшчэ для абшчэ лінгвокультур. Сям'я для кожнага із сраўняваемых мовных сабшчэстваў являецца не толькі сістэмай прадставленняў аб міжлічностных адношэннях і бліжэйшым абшчэстве чалавека, но і складным інстытуцыйнальным абрававаннем, імаюшым камунікатывную спецыфіку.

Спісок існасцьвітельных існасцьвіц

1. Rey, A. Préface / A. Rey // Dictionnaire culturel en langue française : présentant plus de 70000 mots du français classique, moderne et très contemporain, avec leur origine, leurs sens et leurs emplois clairement définis, illustrés de nombreuses citations littéraires, en exemple de bon usage, de beau style, de pensée et de poésie / A. Rey, D. Morvan. – Paris : Le Robert, 2005. – Т. 1 : А – Détisser. – XXXV, 2355 p.

2. Мішына, В. І. Традыцыйная сямейная абраднасць беларусаў: гісторыка-культуралагічны аспект : вучэб.-метад. комплекс / В. І. Мішына. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 220 с.

3. Дубянецкі, Э. С. Культуралогія : энцыкл. даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – 383 с.
4. Сандомирская, И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская. – Wien, Inst. für Slavische Philologie, Univ. München, 2001. – 282 S. – (Wiener Slawistischer Almanach ; S.-Bd. 50).
5. Бердяев, Н. О назначении человека: опыт парадоксальной этики / Н. Бердяев. – М. : Рипол Классик, 2013. – 326 с.
6. Курыловіч, Г. М. Сям'я / Г. М. Курыловіч, Т. І. Кухаронак // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / гал. рэд. Г. П. Пашкоў. – Мінск, 2002. – Т. 15. – С. 348–349.
7. Robert, P. Le nouveau petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert, remanié et amplifié J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2000. – 2841 p.
8. Навіны [Электронны рэсурс] // У Бялынічах працягваецца расследаванне крымінальнай справы па факце смерці нованароджанага // Следчы камітэт Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: <https://sk.gov.by/special/by/news-by/view/u-bjalynichax-pratsjagvaetstsa-rassledavanne-kryminalnaj-spravy-pa-faktse-smertsi-novanarodzhanaga-6476/>. – Дата доступу: 21.08.2018.
9. Гаўрош, Н. В. Слоўнік эпітэтаў беларускай мовы : [18000 вобразных азначэнняў] / Н. В. Гаўрош. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 603 с.
10. Кацар, М. С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка / М. С. Кацар ; навук. рэд. Я. М.Сахута. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 208 с.
11. Казакова, І. В. Образ жанчыны ў беларускай традыцыйнай культуры / І. В. Казакова // Роль жанчыны в развіцці сучаснай навуцы і асветы: сб. матэрыялаў Міжнарод. навуц.-практ. конф., Мінск, 17–18 мая 2016 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Казакова, А. В. Бутина, И. В. Олюнина. – Мінск, 2016. – С. 48–55.
12. Kortjevskaja-Tamm, M. The semantics of lexical typology / M. Kortjevskaja-Tamm, E. Rakhilina, M. Vanhove // The Routledge handbook of semantics / ed. N. Rimer. – Oxford, 2015. – P. 434–454. <https://doi.org/10.4324/9781315685533>
13. Каўрус, А. Словаклад: слоўнік адметнай лексікі / А. Каўрус. – Мінск : Звязда, 2013. – 326 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2016. – 968 с.
15. Koch, P. Aspects cognitifs d'une typologie lexicale synchronique. Les hiérarchies conceptuelles en français et dans d'autres langues / P. Koch // Langue Française. – 2005. – № 145. – P. 11–34.
16. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – Т. 7 : М – Н / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун ; рэд. В. У. Мартынаў. – 315 с.
17. Гражданское общество: истоки и современность = Civil Society. Sources and modern times / науч. ред. И. И. Кальной, И. Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2006. – 490 с.
18. Dambo, Va. Famille et dDroits de l'Enfant [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.humanium.org/fr/famille-droits-enfant/>. – Date of access: 21.08.2018.
19. Définition de la famille et du droit de la famille [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cours-de-droit.net/quelle-est-la-définition-juridique-de-la-famille-et-de-son-droit-a128212776>. – Date of access: 21.08.2018.
20. Le Grand Robert de la langue française : dictionnaire : version 4.1 [Electronic resource]. – Paris, Dictionnaires Le Robert, 2017. – CD-ROM.
21. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Беларус. Савецк. Энцыкл., 1977–1984. – Т. 1 : А – В / рэд. М. П. Лобан. – 1977. – 604 с.
22. Беларуская мова : хрэстаматыя : вучэб. дапам. / аўт.-склад.: З. І. Бадзевіч [і інш.]. – Мінск : Юніпресс, 2005. – 590 с.

References

1. Rey A., Morvan D. *Dictionnaire culturel en langue française. T. 1* [Cultural french dictionary. Vol. 1]. Paris, Le Robert, 2005. XXXV, 2355 p. (in French).
2. Mishyna V. I. *Traditional family rituals of the Belarusians: historical-cultural aspects*. Novopolotsk, Polotsk State University, 2007. 220 p. (in Belarusian).
3. Dubyanetski E. S. *Culturology: encyclopedia and reference book*. Minsk, Belaruskaya Entsyklopedyya Publ., 2003. 383 p. (in Belarusian).
4. Sandomirskaya I. *A book about the Motherland: analyzing discursive practices*. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50. Wien, Institut für Slavische Philologie, Universität Münche, 2001. 282 p. (in Russian).
5. Berdyayev N. *The destiny of man*. Moscow, Rapol Klassik Publ., 2013. 326 p. (in Russian).
6. Kurylovich G. M., Kukharonak T. I. Family. *Belaruskaya entsyklopedyya. T. 15* [Belarusian encyclopedia. Vol. 15]. Minsk, 2002, pp. 348–349 (in Belarusian).
7. Robert P. *Le nouveau petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* [New Petit Robert: french dictionary]. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2000. 2841 p. (in French).
8. News. *Sledchy kamitet Respubliki Belarus'* [The Investigative Committee of the Republic of Belarus]. Available at: <https://sk.gov.by/special/by/news-by/view/u-bjalynichax-pratsjagvaetstsa-rassledavanne-kryminalnaj-spravy-pa-faktse-smertsi-novanarodzhanaga-6476/> (accessed 21.08.2018) (in Belarusian).
9. Gaurosh N. V. *Dictionary of Belarusian epithets*. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1998. 603 p. (in Belarusian).
10. Katsar M. S. *Belarusian ornament. Weaving. Embroidery*. Minsk, Belaruskaya Entsyklopedyya Publ., 1996. 208 p. (in Belarusian).

11. Kazakova I. V. The image of women in Belarusian traditional culture. *Rol' zhenshchiny v razvitii sovremennoi nauki i obrazovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 17–18 maya 2016 g.* [The role of women in the development of modern science and education: materials of International scientific-practical conference Minsk, 17–18 may 2016]. Minsk, 2016, pp. 48–55 (in Belarusian).
12. Koptjevskaja-Tamm M., Rakhilina E., Vanhove M. The semantics of lexical typology. *The Routledge handbook of semantics*. Oxford, 2015, pp. 434–454. <https://doi.org/10.4324/9781315685533>
13. Kaurus A. *Dictionary of Belarusian nationally marked vocabulary*. Minsk, Zvyazda Publ., 2013. 326 p. (in Belarusian).
14. Kapylou I. L. (ed.). *Explanatory dictionary of the Belarusian literary language: more than 65000 words*. Minsk, Belaruskaya Entsyklapedyya Publ., 2016. 968 p. (in Belarusian).
15. Koch P. Cognitive aspects of synchronic lexical typology. The conceptual hierarchies in French and in other languages. *Langue Francaise*, 2005, no. 145, pp. 11–34.
16. Luchyts-Fedarets I. I., Tsykhun G. A. (comp.). *Etymological dictionary of the Belarusian Language. Vol. 7*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1991. 315 p. (in Belarusian).
17. Kal'noi I. I., Lopushanskii I. N. *Civil Society. Sources and modern times*. 3rd ed. St. Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 490 p. (in Russian).
18. Dambo Ba. *Famille et dDroits de l'Enfant*. Available at: <https://www.humanium.org/fr/famille-droits-enfant/> (accessed 21.08.2018) (in French).
19. *Définition de la famille et du droit de la famille*. Available at: <http://www.cours-de-droit.net/quelle-est-la-definition-juridique-de-la-famille-et-de-son-droit-a128212776> (accessed 21.08.2018) (in French).
20. *Le Grand Robert de la langue française: dictionnaire. Version 4.1*. Paris, Dictionnaires Le Robert, 2017. CD-ROM.
21. Loban M. P. (ed.). *Explanatory dictionary of the Belarusian language. Vol. 1*. Minsk, Belaruskaya Savetskaya Entsyklapedyya Publ., 1977. 604 p. (in Belarusian).
22. Badzevich Z. I., Balotnikava S. M., Belakurskaya Zh. Ya., Vazhnik, S. A., Kulikovich, U. I., Lyashuk V. M. (et al.). *The Belarusian language: readerbook*. Minsk, Yunipress Publ., 2005. 590 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Гапанович Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Gapanovich_74@tut.by

Information about the author

Yauheniya A. Hapanovich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: Gapanovich_74@tut.by